

Андрей Медведеenko

НЕСКОНЧАЕМЫЙ РЕЙД



НЕСКОНЧАЕМЫЙ РЕЙД

Стихотворения, поэма

**ЛУГАНСКАЯ
НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
2017**

АННОТАЦИЯ

«Нескончаемый рейд» - это высокохудожественная поэтическая книга четвёртого года войны в Донбассе известного поэта Андрея Медведенко.

В ней воедино переплелись и глубокое чувство патриотизма, основанного на продолжении героических традиций дедов и прадедов, выковавших Великую Победу, страстный призыв к миру, гуманности и нежное чувство любви к природе родного края, к женщине, а также – философское осмысление сегодняшнего времени.

Книга эта, по словам заслуженного работника искусств России, писателя Александра Пудина по нравственной и духовной силе не уступает знаменитой «Маобитской тетради» классика татарской литературы Муссы Джалиля.

Художественное оформление Толмачёва Ю.С. и Бовкун В.П.

*75-ти летию создания
молодёжной подпольной
организации
«Молодая гвардия»
посвящается.*

**Моих отцов
земля не оскудела.
Нет краснодонцев
подвигу конца!
Отчизна к ним
всей кровью прикипела
и слушает,
как бьются их сердца!**

ГОЛОСА КУРГАНВ

Нам честь большую время оказало –
родимый край от скверны защищать.
И гнев, как будто пламень из металла,
в сердца вселяет правды благодать.

И хоть кругом
нашествеников лавы,
не уставая лезут на рожон,
здесь каждый камень
полон предков славы,
шипами каждый куст вооружён.

За тишиной могильною крестов,
где ковыля волнами степь залита,
я слышу голос
 угольных пластов,
идуший со времён палеолита.

И с давних пор
вошло в мою привычку
из грозных туч
 над бездной строить мост.
Родных курганов
слушать перекличку,
поднявшихся над степью
в полный рост.

Им, словно латы,
 грудь укрыли зори.
Богатыри - не знающие снов.
Они стоят, могучие, в дозоре,
предупреждая натиски врагов.

Они судьбы моей ориентиры,
величья предков
 нравственный пример.
И васильки – синее неба в мире,
мечты моей распахивают дверь.

И не сердца, а пламенные угли
стучат в груди, не зная тишины.
и свист стрелы, снаряда или пули
во все века им были нестрашны.

**И потому берёзы их – в тельняшках,
чтобы не смела властвовать гроза.
И капля крови алой
на ромашке –
святая, словно Господа слеза!**

**ПОБЕДУ ВЫ В СЕРДЦАХ СВОИХ
НОСИЛИ**

ИЗ КРАСНОДОНСКОЙ ТЕТРАДИ

Рисунок о Краснодонской тематике.

ГОЛОСА МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

Неустанно жизнь моя – на марше.
Всё острее в будущее взгляд.
С каждым годом
старше я и старше,
принявших бессмертие ребят.

В грозный час
свинцовой лютой вьюги
так взбурлила праведная кровь,
что над чувством утренним к подруге
верх взяла к Отечеству любовь.

И когда скрывают тучи солнце,
горизонт теряется вдали,
голоса казнённых краснодонцев
мне твердят:
- Не трусь и не юли!

Не спеши
с беспечным равнодушьем
уступать дорогу подлецам.
И, плечо, подставив отстающим,
жизнь равняй на подвиги отца!

... Чтоб прямой была моя дорога,
не сшибала с молнией гроза –
краснодонцы
пристально и строго
смотрят в мои карие глаза!

КЛЯТВА

На памятник «Клятва»
бросаю взор.
Застыл перед ним в поклоне.
Подвиги в нас
 живут
 до тех пор,
покудова мы их помним.
Фашистскою свастикой
день распят,
солнца лучи закрывши.
Но разве можно забыть ребят,
в сражение с ней вступивших!

У них, у подростков, хватило сил
мужества и отваги
в страх пораженья вогнать верзил,
поправших святые стяги.

О, краснодонцы!..
Ребята наши!
С вами нам легче идти вперёд.
Нет,
никогда не погибнет павший,
если помнит его
народ!

ТОРЖЕСТВО ЮНОСТИ

Ещё над краем взрывы не гремят.
Весёлый май куражит землю солнцем.
И рвут цветы
за шахтой номер пять
гурьбою всей
девчата-краснодонцы.

Раздольна степь. Улыбчивые лица.
И каждый сердце радует цветок.
И юная душа в полёт стремится.
Плетёт завидной прелести венки.

И горицвет, и лютик, словно песня,
ложатся с дивным крокусом в букет.
И вместе им ничуть не тесно.
Вовсю горят тюльпаны, как рассвет.

И крепкой дружбе все девчата рады.
Отчизна с ними крылья обрела.
И по плечу любые им преграды,
свершения любые и дела!

И нет конца весны великолепью.
И весь простор им хочется обнять.
Идут в венках, обласканные степью,
навстречу шурфу шахты
номер пять!*

**В шурф шахты № 5 в январе 1943 года фашистами были сброшены юные герои «Молодой гвардии».*

СЕРГЕЮ ТЮЛЕНИНУ

Здесь и в мороз
не вымерзнут цветы.
Не заилят дожди тропу
в веках!
Как штык солдатский,
тополёк застыл
у павшего
героя
в головах.

Он рос, как все.
Как все, любил мечтать.
Пытливый,
он умел достойно жить.
Но враг напал
на нашу землю-Мать
и перед ним он встал,
как грозный щит.

Взволнованный,
темнея, как броня,
он вспыхнул так!..
Он так вскипел тогда,
что тело
переплавилось – в гранит,
а сердце стало
пламенем
Огня!

ВИКТОР ТРЕТЬЯКЕВИЧ

Новый век все те ж пороки выткал,
предвещая миру непокой.

Вот и снова
Третьякевич Виктор
с мракобесьем лжи вступает в бой.

Он уже прошёл три круга ада.
На плечах змеисто дышит жар.
Только твёрдо знает:
выжить надо!
молодогвардейцев комиссар.

Разве можно клевете поддаться,
отступить, чтобы глотая ком,
на могилу сына нарыдаться
среди ночи мама шла тайком?

Чтоб размылись чести берега
и наветчик получил награду,
чёрный дым, как замысел врага,
поглотил священнейшую правду?

Он идёт.
И шаг его – весом!
И, на миг, застыв в набатном звоне,
молодых неслышно голосов,
словно после казни в Краснодоне.

Он идёт,
неся большую радость
битвы за святую правоту.
И людской молвы неблагодарность
закаляет веры чистоту.

Он идёт.
И плавится железо
новой лжи.
Победен его путь.
Шахты шурф, как будто из обреза,
неустанно
целит ему в грудь!

* * *

*В Лисичанске 16-17-ти летние подростки
создали организацию «Юная самооборона»,
которая летом 2014 года при защите
родного города была расстреляна
батальоном «Донбасс».*

Эх батальон!.. Ну разве ты «Донбасс»?!
Ты – палача-гестаповца похлеще!
Ты – начинённый ядами фугас,
который только трусостью и блещет.

С подростками,
за Землю-Мать свою,
вступивших в схватку яростно и дружно,
ты побоялся встретиться в бою,
пустив железо техники бездушной.

В экипировке – важные мужья!..
Бронежилет у каждого – не тонок!
А у ребят ТэТэ и два ружья,
и РПГ, и несколько «лимонок».

Нет, их порыв напрасно не пропал,
хоть по сердцам лупили «грады» зримо.
... Лишь только миг всего
цветёт тюльпан,
а как пылает он неповторимо!

МЁРТВАЯ ЗОНА

*У посёлка Изварино
летом 2014 года
с гранатой под вражеский танк
бросился краснодонский шахтёр
Алексей Скрябин.*

Только ругань стоит вместо стоны.
Что пред танками ярость атак!..

Но и у танка есть

мёртвая зона,

в ней бывает беспомощным танк.

Да, бывает!

Коль храбрость солдата

крепче скрежущей стали звенит.

Если взять и не только гранатой –
телом вражьей коснуться брони!

Встать навстречу,

играя в молчанку,

изловчиться!..

Повергнуть во тьму!..

В мёртвой зоне невидим ты танку –

в мёртвой зоне ты страшен ему!

Хряск! – и горло не выдало стоны.

Взрыв! – броня помертвела навек!

Да, и у танка есть

мёртвая зона.

Нет её у тебя, человек!

* * *

*Памяти экипажа танка Т-64,
геройски павшего в сражении
под Санжаровкой под командо-
ванием Михаила Савчина.*

За дело праведное пасть -
нужна большая правды сила.
Атаки яростная пасть
людские жизни поглотила.

Отвагу дедов продолжая,
они вступили в смертный бой.
Прими их прах, земля родная,
и со святыми упокой!

И возвеличь парней останки,
кто, мало прожив на веку,
сгорел в огне стального танка,
как на кострище Аввакум!

* * *

Пахнет пионами ветер.
В лицах – святое свеченье.
Вместе встречали рассветы.
Вместе ушли в ополченье.

Словно весны сновиденье,
вспышки цветения луга.
Неутолимо стремленье
чувствовать рядышком друга.

Жизнь утверждала, пророча:
верность – любви идеал!
Свет разрывался на клочья
и ещё пуще сиял.

Время не знало поблажки.
Лился безмерно свинец.
Ой, вы, медсёстры-ромашки,
красный, как кровь, воронец!

ЛУЧШИЕ РЕБЯТА

1

Вот и хаос, как взрывчатка...
И всё круче, круче, круче!
Вот и солнцу дали взятку,
и оно ушло за тучи.

Необузданные нравы
загоняют святость в тень.
Даже страшно и представить -
под прицелом новый день.

Высока народа плата!
Где ты, честности прогресс?
Гибнут лучшие ребята.
Звёзды падают с небес.

2

Морозец лёгкий...
Холодно и скользко.
Гвоздичка
капель крови на плите.
У обелиска
 замерла берёзка.
Стоит в снегу,
как будто бы в фате.

И в тишине разлитого заката,
копя в груди дыхание весны,
Она стоит –
невеста тем ребятам,
кому не суждено прийти
с войны.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТАНК

*Танкистам, героически павшим
при освобождении посёлков
Хрящеватое и Новосветловка.*

Он город мой освобождал.
Сражался, как герой.
И пьедесталом ему стал
клочок земли сырой.

Где он прошёл – вставал рассвет,
а ночь впадала в шок.
На нём живого места нет –
один сплошной ожёг.

И у металла есть предел.
Но пламень его – свят.
Да, он в сражении сгорел,
как воин, как солдат.

Ему не снилось и в мечтах:
минует год, как миг,
и запыляет он в цветах,
украшенный людьми.

К нему прижался мальчуган
(нет подвигу конца!)
и наполнялся болью ран
погибшего отца.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Она не так уж очень и ярка,
но я готов пред ней склонить колени.
На лацкане пылает пиджака,
как капля крови прошлых поколений.

В ней на яву – бурлящие века
и судьбы тех, кто честь свою не предал.
Она течёт, как подвига река,
от достославных прадедов и дедов.

Она – святая вера в благодать,
течёт, течёт сквозь трудности и беды.
Её враги хотели растерзать,
она – плеснулась в Ордене Победы.

Её, родную, чтят фронтовики.
А мракобесье, злобы не скрывая,
грозит достать. Но руки коротки.
Она течёт, ничуть не унывая.

По силам ей в грядущее пути,
хоть впереди нелёгкие сраженья.
Не зря она у школьниц на груди,
как нашей вещи Славы
продолженье!

* * *

От грохота пушек всё дальше мы.
Солнышко над страной.
Ответственность перед павшими –
каждого долг святой.

Уменьшатся жизни бедствия,
если дела свершать.
Мирные свои действия
с подвигом их сверять.

Счастье не сдастся бедам,
узы кода крепки.
...Правнук обнялся с дедом –
оба фронтовики!

ОТЦЫ

Смыкают строй бывалые бойцы,
награды, получившие по праву.
Уходят навсегда от нас отцы
и оставляют нам свою Державу.

Суровой шаг.
И трепетнее встречи.
И беспокойней в будущее взгляд.
Доверили страну взвалить на плечи
своим сынам...
А вдруг не устоят!?

А вдруг назад откатятся, уронят,
да так, что и осколков не собрать!
И надо силу с мудростью утратить
и в трудную минуту не солгать.

И одолеть всё, что неодолимо.
Победный стяг в грядущее нести.
С ним всей страны судьба неотделима.
Оно всегда у подвига в чести!

Всё боль острее.
Всё яростней атака!
То с хворью, то с отступниками — бой!
И каждый день - борьба с насильем мрака.
И каждый час, как на передовой.

Удержат ли?!
Сыны, хоть исполины,
но страшен груз - и опытного гнёт.

Всё уже строй!..
Не разгибают спины,
пока последний
в Вечность не уйдёт!



* * *

Моя песня,
могучим орлом взлетай!
Проницательным взором
окинь широту полей.
В этот угольный край
прибегали оравы
голодных, босых людей,
превращая просторы
в созвездья земных огней.

Моя песня,
над краем родимым
взлетай псалмом!
Беспокойные крылья
не дай сложить.
Ведь колючим железом
опутать хотят мой дом,
благодатного света свободы
навек лишить.

Моя песня,
высокой и цельной стань.
Зоркость жизни орлиную
не сгуби!

Не спеши
к европейским ценностям -
наши, кровные укрепи!

* * *

Меняет время краски.
Осенний прочен цвет.
От слов моих закваски
хмельней напитка нет!

Ядрёнее он кваса.
Пригубить каждый рад.
Я оседлал Пегаса,
но я не конокрад!

Я знаю, что на свете
без правды – нет пути.
...В чужом бронезилете
от кары не уйти!

МОЙ ДОНБАСС

И вновь настал суровый час.
Сильней, чем мощь брони,
прикрыл собою мой Донбасс
Россию от войны.

Как сталь, упорен и силён,
всё честное любя,
огонь жестокий вызвал он
достойно на себя.

Отраву вспенивала ложь,
как курево, мела.
Но доброта святая всё ж
над злобой верх взяла.

И каждый помни это, знай:
Донбасса нет сильней!
Ведь он не просто угля край,
а часть России всей!

ЛЮБОВЬ

Где осокорей свита
над сквером правит бал,
была любовь убита
снарядом наповал.

У старой карусели,
где только тень одна,
на лавочке сидела
в обнимочку она.

Порыв присекся шалый.
Оборваны мечты.
Упал закат кровавый,
как в полымя цветы.

Не сдерживаю стога.
Была любовь и - нет.
На плитах из бетона
остался ржавый след.

* * *

В крови и гари
век явился новый.
Порою слёзы радости
из глаз.
И, как всегда,
к свободе путь суровый,
где кандалы срывает
мой Донбасс.

И он в тебя, Россия,
верит свято.
Цвети и крепни
дружною семьёй!
Но сына,
 потерявшая когда-то,
верни
с достойной почестью
домой!

* * *

Рубеж и этот перешёл легко я,
перед ушедшим голову склоняя.
О, эта тайна Вечного покоя,
зачем ты снова мучаешь меня?!

И вот опять стою перед итогом.
И будоражу мыслей своих рать.
А позади потерь уже так много,
что больше нету сил уже терять.

Я подвергать сомнению не вправе
всё то, к чему тянула так мечта.
И грезить мне не хочется о славе,
когда теряет силы красота.

Меня страшит во всём её наивность,
незнающая зависти игры.
Меня её волнует беззащитность
под блеском легковой мишуры.

Всего себя никак в степи не выброжу,
не выгрущу под сердцем
боль свою.
И всё никак тревоги всей не выскажу
о высохших прудах в родном краю.

Угломонить пытаюсь всё строкою
в душе людской безумства существо.
О, эта тайна Вечного покоя!
О, этих звёзд над нею волшебство!

* * *

... И сила вызрела в народе.
Стравили. Стала жизнь во зле.
И те, кто «за» и те, кто «против» -
в одной покоятся земле.

И снова
много их набило!..
Такую смерть явила прыть,
что всех пришлось – в одной могиле
в кровавой спешке хоронить.

На хуторском глухом погосте
приют последний обрели.
Их по ярам не будут кости
таскать лисицы и орлы.

Скулит собака. Ветер воет.
Как змеи, молнии. И гром.
Патрон в заклиненном затворе,
что пересохший в горле ком.

* * *

Мне не нужен покой.
Мне упорная воля нужна,
чтоб тревожной порой
не прошла стороною весна.

Укрепи мою волю,
минувшее предков моих,
чтоб и я закалил
благодатью пропитанный стих.

Я ещё не слабак
по течению времени плыть.
Я, как семя в хлебах,
в силе сам ещё время творить.

Сердце рвётся в полёт,
высоко поднимая мечты.
Птица песню поёт
и уводит меня от вражды.

* * *

А время повернуло круто,
и не кадило сплошь дымы.
Братоубийственная смута
легла коростой на умы.

В почёте мастер дел заплечных.
Буквально – темень по стране.
А в Храмах черти ставят свечи
и бьют поклоны сатане.

Я вижу их оскал крысиный
и крутизну воловьих шей.
Сойди с креста,
Иисус Всесильный,
и разгони, как торгашей!

* * *

Перламутрится стежка в крапиве,
как заветной мечты непокой.
Опечалились груша и слива,
что беда не прошла стороной.

На мой край обратила вниманье,
всю змеиную выказав прыть.
И под сердцем скопилось рыданье,
ну, такое, что хочется выть.

Хмурь легла сумасбродно и плотно.
Даже некому руку подать.
Стало солнцу светить невольготно.
Во все стороны – шадкая гать.

Рано сбросила листья угорка.
Восхищается холодом зло.
От осколка в прорехе каморки
сбились осы под стрехой в кубло.

* * *

Опять с уродливым лицом
эпоха новой ищет правды.
И, как когда-то над отцом,
так надо мной свистят снаряды.

И, где погуще толчея,
там люди падают, как злаки.
И по убитым плачу я,
как мой отец когда-то плакал.

И фронтовых хватив «сто грамм»,
он вспоминал бои в Карпатах.
Казался воином я сам,
надев пиджак в его наградах.

Ничто не ново под луной.
Опять бои – стена на стену.
И ордена отца со мной.
Но им теперь я знаю цену.

АИСТ

Баллада

1

Как разбойник,
вечером ветер просвистел.
Утром –
после солнечной метели
из далёких далей
аист прилетел.
Свил гнездо на памятника стеле.

Рядом у гранитного плеча,
с автоматом вставшего солдата.
И берёзы жаркая свеча
ожила и радостно, и свято.

Когда бой закончился, сюда
бричками свезли бойцов убитых.
Солнце целовало их в уста:
молодых и повидавших виды.

Хоронить сбежалось всё село.
Скорби их не передать словами.
Так в бою их много полегло –
класть пришлось в могилу
штабелями.

Слой солдат, потом шинелей слой.
Снова – слой и новые шинели.
Небо слёзно стыло синевой,
отзываясь судорогой в теле.

Нынче здесь их слава не живёт.
День Победы зря оплачен кровью.
Молодёжь вино и водку пьёт,
и нужду справляет у надгробья.

Руководство в пышных этажах

делит власть, кощюнств не замечает.
Каждый их безнравственности шаг
к новой катастрофе приближает.

Но взвилась лучистая метель.
И, чтоб жизнь совсем не оскудела –
из далёких далей аист прилетел.
Свил гнездо на памятника стеле.

2

Две тысячи четырнадцатый год!
Опять война. Опять кровопролиться.
Опять орда нашествеников прёт.
Не шелестят, а стонут, плачут листья.

И непрерывно гибель сыпят «грады».
И плач народный слышится везде.
Осколком раскалённым
от снаряда
убило аистиху на гнезде.

Вонзился, подлый, в трепетное тело –
неукротимый и душою пуст.
Взмахнуть лишь раз крылами и успела.
И рухнула, несчастная, под куст.

И хоть свинца слегка притихла вьюга,
но мир в округе сразу оскудел.
И, натужившись вдоволь над подругой,
взметнулся аист ввысь и улетел!

И пала тьма. И нет для ней преграды.
Повсюду злоба вороном кружит.
И из могилы братской
павших взгляды,
казалось, всё – ничто не воскресит!

И год прошёл. И два – не гаснет лихо.
Но солнце вдруг прорвалось на простор!
И он вернулся
с новой аистихой
на третий – бедам всем наперекор!

Ногами стал в гнездовье. Отряхнулся.
Прильнул крылом к подруге:

- Будем жить!
О, люди! Люди! Аист наш вернулся!
Пора уже оружие сложить!

2007-2017гг.

Р. С. В мае 2017 г. аистиха уже высиживала новое потомство, ... в июле из гнезда радостно выглядывали два аистёнка, скоро довольные родители будут ставить их на крыло.

* * *

Государства мужи
хмурят в ярости лбы.
В лютой битве за власть —
нуёмны, как бесы.
Изощрённо тонки
и нахально грубы —
охмуряют народ
за свои интересы.

Набивают деньгой
кто мошну, кто карман.
Каждый хочет иметь
поувесистей долю.
Ну а люди?!
А люди,
сойдись на майдан,
истязают друг друга
и делят неволю.

* * *

Ухабисто вьётся дорога
за ивой –
плакучей, как мать,
что видела часто и много
идущих в сражение солдат.

И ей, одинокой, казалось:
уменьшат они силы зла.
От обуви пыль поднималась
и пламенем битвы росла.

И грома тревожного всплески
роили громадины туч.
И света ища, перелески
срывались отчаянно с круч.

Стою будто на поле брани.
И хоть к потрясениям привык,
болят мне и береста раны,
и бабий калиновый крик.

* * *

Разрывов «музыка» слышна.
И это вовсе не игрушки.
Тогда наступит тишина,
когда навеки смолкнут пушки.

Но я другого мненья стою.
Я в этом с детства знаю толк.
Я называю тишиною,
когда во всю поёт сверчок.

* * *

...И не стало тишины
на земле, ни там – у Бога.
Убегаю от войны.
Окровавлена дорога.

Отупелый вой и плач
у разбитого гнездовья.
Равнодушный, как палач,
месяц смотрит из-под лобья.

Хоть вошёл он в новый век –
то же самое выходит:
человека человек
до отчаянья доводит.

Вот и нету тишины.
Будто я тому виною.
Убегаю от войны,
а она всё - за спиною.

* * *

Пряно пахнет малинник.
Степь окутала мгла.
Снится скифу: в могильник
впились когти орла.

Снится скифу: снарядом
разорвало курган.
Ощетинисто рядом
впились пальцы в колчан.

Хоть у скифа лишь стрелы
копят прошлого тьму –
третий день батарея
бьёт и бьёт по нему!

* * *

Восторгаться сердцу
не прикажешь.
Увидал - и бросила в тоску:
девушка в зелёном камуфляже
с пистолетом грозным на боку.

Вся она, что взрывчатая сила.
С БэТээРа спрыгнула, пошла.
Что-то у прохожего спросила,
откровенным взглядом обожгла.

Мысли потекли совсем иные –
не о страшной битве впереди.
Ведь со всей Вселенной позывные
у неё сомкнулись на груди.

Не разрушит дух упорный беды.
Будут мир, и радость, и покой.
Я кричу:
- Да здравствует победа
красоты над яростью людской!

* * *

Лист зелёный на солнце –
заплатами.
Дорогому кафтану сродни.
У беседки берёза заплакала,
вспомнив юные давние дни.

И от чувств переполненных,
зрелых
приумолкли в саду соловьи.
И две молнии рук загорелых
опустились на плечи мои.

Взгляд
и грешный,
и пристально строгий,
уводил от былой кутерьмы.
Лишь над прошлым
пусть властвуют Боги,
но над нынешним –
властвуем – мы!

* * *

Молоденький выткался хмель,
Курчавится чутко и тонко.
В отаве куражится шмель,
как ждущая счастья девчёнка.

Но огненно взвизгнул свинец.
Луна – с растревоженным ликом...
От выстрела - в небе рубец
кричит несмолкаемым криком.

* * *

Скорбно качаются ветки
Над сиротливой скамьёй.
Он не пришёл из разведки.
Шрам не блеснёт под скулой.

Ты его больше не встретишь.
Грудь не вздохнёт глубоко.
Солнышко, разве ты светишь,
если душе нелегко!

Если мечта изменила...
Где ты, желанный, родной?!
То, что хорошего было
в схватке легло ножевой.

Вся – ощущение встречи!..
Соком налит виноград.
...Не опускается вечер,
а заползает в ваш сад.

КОЩЮНСТВО

О Боже!..
Нет кощюнственной подлянки,
чем освящать воинственный разор.
Святой отец благословляет танки
на человекобойню и позор!

Мужи стоят. Довольные. Всё просто –
поплывёт прибыль вскорости рекой.
А я молю:
- О, Господи Святой,
взрывчаткой начини меня такой,
чтобы от них остался только остов!

ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО

Меж блок-постов течёт Донец-река:
один на левом, а другой – на правом.
Как будто древний русич, сквозь века
глядит на них утёс крутого нрава.

Жестокой битвы видит он угар.
На силу – сила вздыбилась стеною.
И слышит он не крик и рёв хазар,
а сыновей безумие слепое.

И вздох агоний гибнущей страны.
Ложь душит ум блудливостью обмана.
Утёс кричит:
- Опомнитесь, сыны!
Зачем вам крохи из-за океана?

Скорей приди, признание вины!
По всей округе – гарище вулканом.
Со злом пришедший с левой стороны,
отыщет злом отмщение – на правом.

Ещё не поздно грех остановить.
Ничем глубины горя не измерить.
Рекою судьбы можно разделить,
но честь и совесть в душах –
не разделишь.

* * *

Вот и снова в чувственном азарте
тишина разносит птичью трель.
Каждый день в сражении за завтра
обретений полон и потерь.

И борьбой пронизанный насквозь,
край родимый бьёт весне поклоны.
Аромат цветущих абрикос
лоджии освоил и балконы.

Грани зла и подлости стирая,
тянет в неразгаданную высь.
Там, где чувства берега теряют,
мало что решает здравый смысл.

МЕТАМОРФОЗЫ

Летит надо мной паутинка
и шлёт откровенную весть,
что даже у хилой былинки
дыхание космоса есть.

Что сила любви не в свободе –
галерному поту сродни.
Что трещина сдвига в народе –
похожа на трещину льдин.

От немощи – крепость бывает.
Удаче – сопутствует лень.
Чем буйнее сад расцветает,
тем жутче становится тень.

* * *

От степного тепла
откровением веет.
Словно взмах мотылька –
голубой ветерок.
Абрикосы цветут
и душа молодеет,
и вскипает желанием
новых дорог.

Беспричинная в ней
нарастает тревога.
Так вздыхает в яру
молчаливый ручей,
будто губы к нему
поднесла недотрога
и от счастья струят
огоньки из очей.

Я гляжу на него
и восторг не скрываю –
остудить не сумел
ему сердце мороз.
Путь в глубинах оврага
его прозреваю,
ароматом дыша абрикос.

* * *

Скрип калитки,
как будто протеза.
Ветер буйством борьбы
одержим.
В сгустках мрака почует
железо
БэтээРов сожжённых, машин.
И покой,
что присутствовал прежде,
не явила степи благодать.
От утрат онемела надежда –
не готова судьбу предсказать.
Месяц с облака –
рыжий, как глина,
опустился в развалин содом.
...Из снарядной воронки –
могила,
словно призрака тень
над селом.

МГНОВЕНИЕ ВОЙНЫ

Стороной прошёл жестокий бой.
Но я вижу...
Как это не странно:
баянист оторванной рукой
судорожно сжал
басы баяна.
Превратилось сердце парня
в прах.
Только слышат...
Слышат мои уши,
как хрипит в разорванных мехах:
«Выходила на берег Катюша!..»

ВЫШЕ КАМЕННЫХ НЕБЕС

По земле,
по чернобылу, по разрухе
в пыль и в грязь,
без еды, без крова,
мать несла меня грудного
от села к селу в Донбасс.

Ветру путь не уступая, шла.
А он потоком
на затылок сбил платок ей,
щёки обжигая.

И собаки лаяли
из дворов тесовых.
И колючки щерились
у заборов новых.
Будто старые сороки,
разболтались две кумы:

- Ты откуда, молодка?
Платье, будто из тюрьмы!

А другие – отдохнуть
в хату зазывали.
А другие хлеб скорей
матери совали.
И, вздыхаячи молили,
в холст меня запеленав:

- Ты малютку-то, горюха,
под кусточком не оставь!

Утро – к дню.
А день – к закату.
Вырос я, как на меду.
По стерне, по перекату
в гости к матери иду.

И стучу в калитку. Ноги
аж гудят. Молчу. Вошёл.

Во дворе с сумой убогий
и цыганка с малышом.
- Здравствуй, мама!
Ах ты, Боже!
Вечен слёз твоих родник.
Всё под кров избы прохожих
привечаешь горемык.

- Пусть, сыночек, отдыхают!
Пусть, что видят, то едят!

И надломлено вздыхает:

- Ох, как годы-то летят!

Вырос как! Бледнее мела!..
Словно тополь у межи!

На цыганку поглядела:

- Парню счастье предскажи!

А цыганка смотрит кротко.
Грусть в очах не по летам.

- Расплескал он счастье, тётка,
да по маковым устам!

Всё с годами станет прошлым.
Снова, парень, воспаришь!
Только помни о подошвах,
когда крылья ощутишь!

Ну, цыганка! Сгусток зноя!
И о счастье верно ведь!
Но не знаю я покоя,
чтоб увереннее петь.

Чтобы радость – ширилась!
Соловьём баянила!
Чтобы стал хоть чуть пониже
на земле хоромов лес.
Чтобы в глуби кто залез,
смог всегда подняться выше
чёрных, каменных небес!

* * *

Я, наверное, скоро взорвусь.
Стал душой тяжелее тела.
Обострилась осенняя грусть,
накопилась во мне до предела.
Источается ядом, как ртуть
клин дороги
и всё мне торочит:

- От того, что ромашки цветут
у людей не убавилось жёлчи.

Человек, светлый мир сотвори!
Не свыкайся с коварною ржою.
Я на страшные мели твои
натываюсь ранимой душою.
И черствею, и чёрствость глушу –
никуда от потери не деться!
Я любви отголоски ищу,
словно старец на родине детство.

* * *

Охвачен мир
лукавства льстивой сетью.
О, люди,
близок жуткий край беды!
Спасти нас может только
 милосердье
от лихолетья, бунта и вражды.

И за предел
пока не вышла драма,
пока в цене святой порыв души,
не баррикады нам нужны
из хлама,
а баррикады духа
против лжи!

* * *

У правды – зоркие глаза.
Но сердце – мягкое, пожалуй.
И снова грянула гроза
всеочищающим пожаром.

Воспламенился небосвод.
Угар удушный из околиц.
С майдана родину народ
швырнул на бойню межусобиц.

Гуляет в жилах кровь раба.
Свободы свет сияет – в лицах.
И напряжённые складки лба,
как Иисуса плащаницы.

* * *

Внутри себя я Вечное ищу.
И тела прах земной
влачу по жизни шаткой.
И ни богатств, ни славы
не прошу,
а лишь любви,
на свет заветный падкой.

Но, может быть, я к ней
стремлюсь напрасно?
Не просто в буднях дней
тот робкий след найти.
Я вижу цель с холма
отчётливо и ясно,
но как добраться к ней,
не заплутав в пути?!

Не спутать сатаны
мне с Ангела крылами...
Под тучами бредя,
одно осознавать,
что тучи пролетят,
гонимые ветрами,
а Солнце над Землёй –
останется сиять!

ЛЕТО 2014 ГОДА

Кажется от горя
воздух звонок.
Полымя окутало мой край.
Над убитой женщиной
ребёнок
горько плачет:
- Мамочка, вставай!

Но она совсем его не слышит.
Больше ей кровинку не обнять.
Только ветер волосы колышет.
Будто тоже молит её встать.

Эх, наводчик-горе!..
Семя злое!
С кем же ты собрался воевать?!
Смерть навёл на самое святое –
МАТЬ!

СИВАШ

*Отцу моему, форсировавшему
во время Великой Отечественной
войны залив Сиваш.*

Вхожу я в воду,
плохо веря в броды.
Но вот отца явилась мне душа,
Вот здесь во имя жизни и свободы
он погрузался в воды Сиваша.

И никуда от прошлого не деться.
Накалом чувств ворвалась пуль пурга.
О сколько их, как он красноармейцев
и смерть попрали смертью
и врага!

И, чтобы судьбы не были их смяты,
уничтожая ненависти ржу,
как он когда-то,
я, под вой снарядов,
сегодня свой Сиваш перехожу.

Иду вперёд,
пронзённый правой болью.
И, значит, выше правды моей нет.
Я никому на свете не позволю
к святой Победе путь отца презреть!

В багряный цвет зари
простор окрашен.
Как будто ночь в волнах он утопил.
...С пилоток звёзды
миллионов павших
струят в меня отвагу
из могил.

* * *

Дурман словес -
и снова льётся кровь.
И снова мир тревожней
и угрюмей.
Тень лет моих уходит
в глубь веков,
врываясь в разум
тяжестью раздумий.
Притормозить бы...
 Приостановиться.
Грядущий день
в доверии встречать.
Но держат речь о правде
 проходимцы
И больше всех
о честности кричат.

А пёстрой демагогии ковры
к террору сами стелятся невольно.
Психозом начиняются миры.
Не длинных слов боюсь я,
 а окольных.
Рассвет ославил ночь.
А небосвод
 лежит в траве,
обглодан, как горбушка.
И предают правители народ,
бесстыдней,
чем детей своих кукушка.

* * *

Вот и стала истребима
нравственная сила.
В дух – врагом неисследимым
втиснулась бацилла.

Не унять наживы страсть,
правда с ней – убога.
И пошла, зажравшись, власть
бесовской дорогой.

Возлюбить внушает ложь.
Никому – покоя.
И за ржавый медный грош
льётся кровь рекою.

Каждый верит в свой успех.
Ищет смысла в битве.
Только мать – одна на всех,
слёзы льёт в молитве.

* * *

Ну что для статистики
павший боец?!
В масштабе страны –
это капелька в море.
По цели уверенно
влучил свинец –
в масштабе семьи –
несусветное горе.

Потери такой
не заметит народ.
И только родня не забудет.
... Дорвётся до власти
один идиот –
весь праведный мир
взбаламутит!

БЛОКАДА

- П-пить! – просит раненый, -
вод-ды-ы!
Ребёнку жажда губы обметала.
Над городом домоклов меч беды.
- Хотя б глоточек!..
В кранах сухо стало.

На жухлых клумбах – вялые цветы.
- Пить! Пить скорей!..
Глотают воздух жадно.
А солнце жжёт со знойной высоты
и лепестки сжигает беспощадно.

- Вод-ды-ы-ы!!.

О, вентель, - молят русла рек, -
ну – отворись! Убавь и боль, и муку!..
Но цепко держит злобный человек
на нём братоубийственную руку.

СВЯЗЬ

Порой бывает
беды за бедою
берут в такой железный оборот,
что кажется,

сейчас отдам без боя,
добытую нелёгкою ценою,
одну из завоёванных высот.
Оставлю всё!

Сбегу!

Себя укрою!

В покой, в уют
куплю за грош билет!
Но встанут,
как приказ, передо мною
ровесники мои окопных лет.
От их сердец
захлёбывались доты
и разлетались танки в прах и пух.
Они такие взять смогли высоты,
что и теперь захватывает дух.
Я вспомню их.

И сил прилив почую.

Бессилие стечёт с души,
как грязь.

И так во рту
травинку вдруг зажму я,
как будто взрывом
порванную
связь!

* * *

Час настал. За честь и волю
туже сдвинулись ряды.
Коршун кружится над полем,
жаждет жертвы и беды.

Павших вздрогнули останки.
Экспонаты стали в строй.
И войны минувшей танки
с пьедесталов – прямо в бой!

ДОБЫТЧИК СОЛНЦА

За террикон уходит степь –
вся, как пылающий очаг.
Донбассу недруг строит склеп,
гранатомётами ворча.

- Во тьму загнать решили нас, -
сказал горняк, а сам смеется, -
испокон века ведь Донбасс
из тьмущей тьмы -
 добытчик Солнца!

* * *

Мёрзнут вишни.
но жарко калине.
Всюду ветра одни виражи.
Что ж ты, сердце,
впадаешь в унынье!..
Ну, чего тебе надо, скажи!?

Будоражит во всю непогода.
Словно волчий в кустарнике вой.
Заблукавший октябрь в огороде
расхрустелся капустной ботвой.

В свадьбах яблонь листвой озорует.
Буйства лета лишает людей.
Будто времени бег существует
лишь за тем,
чтоб исчезнуть скорей.

ЗАРЯ

*Луганскому
Народно освободительному
батальону «ЗАРЯ»*

1

Казалось всё!
К свободе край мой глух!
Ему улитки панцырь по нутру.
Обвисло знамя
хуже, чем лопух
в занудную несносную жару.
Но грянул гром – разверзлась
Неба высь.
Воскреснул дух
и вырвался на волю.
Родимый край,
за честь свою борись,
за день грядущий,
радости и долю!
В порыве чувств дыхание светло.
Стою и слышу –
взвинчен и напряжен -
не звон цепей
и рабских кандалов,
а звон победоносного оружия!

2

Была их горстка –
лучик лишь всего,
вступивших в битву
с тьмою непроглядной.
Но в недрах огнедышащих его
свободы свет
упрямо гранил грани.
Он вызревал,
как золото горя.
Копил простор,
что ширь морскую реки.
И вдруг
такая вспыхнула ЗАРЯ –
не погасить которую вовеки!

* * *

И вроде мирный мы народ.
Живём в мечтах о жизни светлой.
Но из орудий снова бьёт
несокрушимость силы смертной.

Перед смиреньем рухну ниц.
Тупик - ответ на силу силой.
Ведь удержание границ
не стоит даже жизни хилой.

Но также – зло и откровенно
мы любим даже и во сне
поклоны Богу бить усердно,
а поклоняться – сатане.

* * *

Стоят дворцы
в надменности и спеси.
Сползла тумана змейка за овраг.
Взошли на клирос
 ряженные бесы
и нравственности
 треснул саркофаг.

Коррозия бездушья
въелась в дали,
и стронций лжи
по кровушке несёт.
Во всю гуляют в замках
феодалы,
которым в этой жизни
можно всё.

У них любовь и правда -
 под прицелом.
Воспрял фальшивой доблести
кумир.
...На кромке бездны,
как перед расстрелом,
залитый водкой,
съёжился псалтырь.

* * *

Не счесть в человеке пороков.
Толпа превращается в сброд.
Когда изгоняют Пророков,
от хамов стенает нард.

Но сколько верёвке не виться,
не праздновать силу в грызне —
Пророк всё равно возвратится,
как мак-кровянец по весне!

* * *

В явный мир ухожу
от мистики.
И не знаю я, как мне быть.
Обложили меня завистники —
вольно шаг не могу ступить.

День проснулся.
С терпенья начат.
Словно странник,
в сердца стучу.
Но обходит меня удача,
как в проулке я каланчу.

Может, доброе кто-то скажет
о томленьях души моей.
Может, кто-нибудь
в песню свяжет
полыханье моих страстей.

Всё надеюсь...
И всё не верю
в откровенья земного толк.
И плачу я большою мерой
за наивной любви восторг.

Словом-посохом лёд ломаю
очерствелого бытия.
Но в ответ только прах встречаю
онемелой дороги я.

И не знает душа покоя.
Под стопою, как жар, ступень.
И спасает меня от зноя
только ангельских крыльев
тень.

Вечно мучают скорбь и страсти,
и завистники, наконец.
Не в моей, очевидно, власти
бесприютности снять венец.

МИНА-ДЕЗЕРТИР

Ещё посаженная предком
застыла верба в полумгле.
Осколком раненная ветка
склонила голову к земле.

Встревоженные люди мимо
неё привычный держат путь.
А невзорвавшаяся мина
асфальту раскроила грудь.

И, значит, выжили квартиры.
Мне дорог их уют огней.
... Из всех на свете дезертиров
я преклоняюсь перед ней.

* * *

Протопопу Аввакуму

Судьбины гонимой невольник –
туман по отрогу плывёт.
И ветер, как старый раскольник,
поклоны Всевышнему бьёт.

На сердце и нудно, и мглисто.
И выхода, кажется, нет.
Но, в мрачных,
погрязнувши мыслях,
на ясный не выбратья свет.

На злобу – ответную злобу
легко в упоении класть.
Ты лучше, как старец, попробуй
терпенья не выронить власть.

Хоть в ранах душа, а не тело –
не сдатья важнее всего.
Блажен ведь не начавший дело,
а тот, кто окончил его.

ЧЁРНЫЙ ГВАЛТ

Не могу и на время расстаться.
Красотою ни радовать взор...
Одуванчики – Божии старцы,
не покинули отчий простор.

Звон литавр мне доносится медный
из далёкой моей старины.
Луч надежды задумчиво бледный
из померклой плывёт стороны.

Дух витает борьбы надо мною.
И хоть я не последний в строю,
всё мне кажется: к свету спиною
среди поля ухабин стою.

И века пролетают, как вихри –
не проходит беда стороной.
Современные гунны и скифы
надвигаются плотной стеной.

Их покрытые лица – личиной,
под которой пороков не счесть.
Гвалт неистово чёрный, грачиный
поглотить хочет совесть и честь.

Только всех ожидает забвенье –
не обломится лакомый куш!
Они видят лишь солнца затмение,
ну а я – их затмение душ!

* * *

Деньки стоят прохладны и ясны.
Пора метелей лютая минула.
И первое волнение весны
неукротимой дымкою дохнуло.

И в свежести рассыпавшихся рос
на брызги света
солнце раздробилось.
И в вихре твоих огненных волос
душа моя как будто обновилась.

И до краёв
я жизнью полон снова.
В себе надежду добрую несу.
И для любимой
ласковое слово
легко в глубинах сердца нахожу.

* * *

С небес упал метеорит,
поднялся ужас в мире.
И всяк об этом говорит
и прячется в квартире.

От страха так сгустилась тень —
ни выдоха, ни вдоха.
Прошёл один всего лишь день,
а кажется — эпоха!

* * *

Молюсь о здравии.
Под вечер
закат на стул ко мне присел.
Гранатомётов стихли смерчи,
но, кажется, не насовсем.

Хандре потворствуя и мраку,
себя фантазии лишив,
тоску гоняю, как собаку,
по хмурому двору души.

И голова на грудь упала.
Казалось – тяжестью прожгла.
Но вдруг теплее как-то стало:
по скверу женщина прошла.

В ней каждый шаг не ведал меры,
неся красу свою и стать.
Терпенье были в них и вера,
Ничем которых не распять!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

*Дяде моему
Андрею Таракановскому,
погибшему при обороне
Москвы, посвящается.*

День Победы!
Праздничной волною
всплеск знамён
над площадью зарит.
Вот и вновь,
убитый под Москвою,
дядька мой
со мною говорит.

В сердце нет,
не патока звучанья,
не порханье бойкое речей.
Слов его завидное молчанье
высекает слёзы из очей.

Волю всю в кулак собрав
и нервы,
силой чувств рассеивая мрак,
чтоб родился я
в пятьдесят первом,
пал от пуль,
а, может, лёг под танк.

Чтоб я, став на мужества ступени,
не съюлил,
отвергнув страха власть,
не посмел и в мыслях
на колени
перед мракобесием упасть!

Полк Бессмертный!..
Память – не остыла.
Он шагает доблестно
со мной.
Где его находится могила,
знает только ветер кочевой!

* * *

На ущербе над хатой луна
освещает татарника грани.
Чёрт с крапивы собрал семена
для чертячьих своих начинаний.

Беспечально и сыто глядит
на устлавший тропу подорожник.
Одуванчик по ней у раки
беспокойно бредёт, как острожник.

Лишь на грустные думы права
и остались терзать и морочать.
И седая его голова,
как луна, проплывает по ночи.

К небесам всё пытается взмыть,
заглянуть в расписное оконце...
От крапивы успеть заслонить
молодое всходящее солнце.

* * *

Взошла непрошенная тень
на вечера настил.
А вечер позабыл про день
и сумрак наступил.

Сбежались в стадо облака.
И месяц - как пастух...
И непонятная тоска
легла на сердце вдруг.

Нависли думы, как гора.
Душа, замкнувшись, оскудела.
И ненасытная хандра
отяжелила моё тело.

Ничем тревогу не унять.
Всё разворочено безбожно.
Но сможешь в руки себя взять
и жизнь покажется –
возможной.

* * *

Эти чёрные дни пролетят.
Эти адские ночи промчатся.
На меня снизойдёт благодать,
чтоб я смог над тоской
посмеяться.

Воскресит всё, что память хранит.
Снова силу почувствуют ноги.
Неизвестность меня поманит,
где бессмертник цветёт у дороги.

Где светло мне и радостно жить,
в птичьих трелях под небо взлетая,
где навстречу ко мне заспешит
моя мама,
совсем молодая.

Где девичьего взгляда полёт,
первой томной охваченный мукой,
все мои ожидания поймёт
и в дерзаниях станет порукой.

Где умильный развесистый сад
не устанет плодами качаться...
Эти адские дни пролетят!
Эти чёрные ночи промчатся!

ХИРУРГ

*В гражданскую войну(1919 г.)
во время боёв на Острой Могиле
в Луганской больнице врачи спасали
от ран, как красногвардейцев, так и беляков.
Вчерашние непримиримые противники
лежали вместе в одних палатах,
мирно уживались и находили общий язык.*

Пронзают воздух выстрелы, как плетью.
Неяркий солнца выплеск над травой.
Как вещей дух, почти через столетье
опять явилось распрей торжество.

У времени воинственны аккорды.
Повсюду будто балом правит бес.
Одни –
за что воюют, знают твёрдо.
А у других – туманен интерес.

И в этом нет ни капельки сомненья.
Не зря являл знаменья Божий лик.
Чем мрак страшней,
тем ближе час отмщенья,
сопротивленья злее каждый миг.

Земля вставала дыбом под Луганском.
В один клубок сцепились враг и друг.
И, как в далёкой огненной
Гражданской,
спасал сегодня раненых хирург.

Не зная сна, пехоту и танкистов
спасал. И этим здравствовал и жил.
Его считали укры террористом,
а он от смерти всех их отводил.

Не сдерживая силу откровенья,
он знал – чужой не может быть беда.
Души земной начало исцеленья –
с прощенья начинается всегда.

Ломал примером праведным преграды.
Осколкам в ранах не было конца.
... Он был убит украинским снарядом,
собой, прикрыв из Винницы бойца.

ПАРЕНЁК С ЧЕРЕПОВЦА

Камуфляж одутловато
на плечах его сидит.
Сталь большого автомата
прижимается к груди.

- Ты откуда? – бодрым слогом
я спросил у молодца.
- Добровольцем на подмогу
прибыл к вам с Череповца.

Здесь не только я – бразилец
с итальянцем – друг и брат.
Неприятелю гостинец
посылаем в аккурат!

Наша кровь – не станет прахом.
Коль поехал, то держись.
Может быть, без олигархов
мы построить сможем жизнь.

Всё вокруг полно экстрима.
Цель у нас – ясней всего!
Хамство, пусть неистребимо,
но накажем мы его.

Он стоял и улыбался
вьюге огненной свинца.
Я хочу, чтоб жив остался
паренёк с Череповца.

Песни пелись, чтоб и танцы
в раж войдя – подошвы жгли.
Чтоб бразилец с итальянцем
здесь невест себе нашли!

* * *

В лесной прогал
 ступаю еле-еле.
Совсем затих залётной бури
шквал.
Заря стреляет соловьиной трелью
и поражает сердце наповал.

И я валюсь
в травы зелёный звон.
Встаю.
Опять на копья лезу грудью.
и на себя натравливаю зло,
чтоб радости досталось больше
людям!

ЗВЁЗДЫ

Непостижимы,
а сердце – радуют!
Так же, как люди, маются.
Так же, сгорая, падают
и-и... распадаются.

* * *

Под ногами дорога простая.
Нескончаемый камешков хруст.
Вместе с пасмурным днём
нарастает
непонятная серая грусть.

И на сердце ни капли покоя.
Перепутанных мыслей не счесть.
Может, что-то пророчат плохое,
ну а, может, и добрую весть.

О возвышенных духа починах
и любовью поверженном зле.
И о том, что при многих кручинах,
удивительна жизнь на земле.

Что она, как бы ни была зыбкой -
Диво - дивное, чудо-краса!
Неспроста перед женской улыбкой
замирает Вселенная вся!

* * *

Сколько б время не косило,
не топтал посевы скот,
только нравственная сила
в хлебном колосе живёт!

* * *

Все обиды прощаю,
неживущий во зле.
Всё острее ощущаю,
что я гость на земле.

Поумерился в нраве.
Мир судить не берусь.
Не мечтаю о славе
и в пророки не рвусь.

Дух надеждой врачую,
что хмельнее вина,
одного лишь хочу я,
чтоб пришла тишина.

Чтобы лучше награды
вешний радовал гром.
И не рвались снаряды
у меня за двором.

Чтобы каждый живущий
верил в правду одну:
поднимающий души -
поднимает страну.

ПАСТИ ВОЛЧАТ

Окончился бой. И опять красиво
томный у ветел встаёт уют.
И в сумерках тёплых
лилово-синих
голуб с голубкой нашли приют.

Вместе они – волшебства достойны,
где каждый изгиб бесконечно свят.
Пропеллеры старых,
отцветших клёнов
похожи на крылышки ангелят.

А ветер гудит,
от смерча зачат.
Дороги заспотыкались.

Как будто голодные пасти волчат,
в землю вонзившиеся
торчат
снаряды, что не взорвались.

ВОЕННОПЛЕННЫЙ

Истерзанный. Высок и мешковат.
Не прячет в плечи голову улиткой.
Ему грозился смертью автомат,
но было то – цветочки, а не пытка.

Потом уже проколют пикой бок
и выразят сочувствие буквально.
Из пальцев – ласты будет молоток
отковывать на ржавой наковальне.

Водою темя каплями долбить
начнут под рёв, оскалитее зверя,
и ряд зубов напильником пилить
чтобы достать до оголенных нервов.

Средневековья снова мир воскрес!..
Пусть он свиреп от злобности избытка –
плен позади... и тут же гнев исчез.
Опять у губ – радушная улыбка!

* * *

Вдоль траншей
берёзы по опушке
стригунками
 к заводи рысят.
И на каждой ветке-завитушке
гроздь волчьей ягоды висят.

Со съедобной спутать –
упаси вас!
Неспроста смородине подстать.
Сколько раз
 подобную красоту
у людей случалось мне встречать!

Потому и в этой жизни вечной,
среди вольной россыпи полей
негодяй не станет человечней,
сколько раз его не пожалей!

Знать, никто и ягодник не сглохнет:
упасёт берёзы красота.
Рядом с ней
он жить, конечно, может,
но подняться выше – никогда!

* * *

Изумрудное вешнее пламя
по округе моей разлилось.
На аллее росисто-хрустальной
повстречаться с тобой довелось.

И уже ничего не скрывая,
больше в сердце
не властвовать льдам.
Как на грани апреля и мая
нет возврата к зимы холодам.

И по мыслям твоим, как по следу,
я иду – напряжённо-прямой.
Так душа моя тянется к свету,
будто снова ты рядом со мной.

Будто слышится голос твой звонкий,
пряный хмель расплетённой косы.
Будто месяц
снарядным осколком
не вонзался в небесную синь.

* * *

... А мне припомнились
деньки
прозрачные и взгорье.
Где, как котята, ручейки
мурлычат на просторе.

Уже пропахло всё весной.
Я взрослым стать стремился.
И рост
у притолоки свой
измерить торопился.

Отец подбадривал:
- Сынок!
Всё в жизни очень просто.
Расти, но только будь высок
Душою, а не ростом!

Вникай в дела и не робей.
В них – каждому своё.
Коль кто-то кормит голубей,
то кт-то - вороньё.

И сколько б ни было молвы –
не спрячут солнце тучи!
Пусть хорошо две головы –
твоя должна быть лучше!

Порой и сильные – слабы.
Вино не крепнет – киснет.
А ценность качества судьбы
от чувств твоих зависит!

* * *

Ветерок вспуржил орнамент платья.
Встрепенулась в сердце маета.
Ты – моё спасенье и распятые –
женская святая красота!

Вот стоишь,
как будто в рая куцах...
Я не знаю, как себя вести.
Пред твоей улыбкой всемогущей
сбилось время с чёткого пути.

Налились волшебным вещим жаром
золотые крепкие уста.
И манящей блёсткой задрожала
откровенья кроткого мечта.

На лужайку вечер опустился.
И узрев, что рядом ты стоишь,
облаками месяц прослезился.
В ревности заполз
за кромку крыш.

* * *

В дне наступающем
выгляжу странником.
Новые ломают виски холода.
Мало хранителей,
много - охранников.
Ну, неужели так будет
всегда?!

Вновь демократия,
словно игрушка...
Лишь родилась –
и правитель-народ
вместо груди материнской –
пустышку
тычет ей,
в криком наполненный рот.

ЧЁРНЫЙ ГВАЛТ

Не могу и на время расстаться.
Красотою ни радовать взор...
Одуванчики – Божии старцы,
не покинули отчий простор.

Звон литавр мне доносится медный
из далёкой моей старины.
Луч надежды задумчиво бледный
из померклой плывёт стороны.

Дух витает борьбы надо мною.
И хоть я не последний в строю,
всё мне кажется: к свету спиною
среди поля ухабин стою.

И века пролетают, как вихри –
не проходит беда стороной.
Современные гунны и скифы
надвигаются плотной стеной.

Их покрытые лица – личиной,
под которой пороков не счесть.
Гвалт неистово чёрный, грачиный
поглотить хочет совесть и честь.

Только всех ожидает забвенье –
не обломится лакомый куш!
Они видят лишь солнца затменьё,
ну а я – их затмение душ!

ВАНДАЛЫ

С яростью, до малой самой крохи,
петлями и всем, что может бить –
разрушают символы эпохи,
чтоб дорогу в завтра ослепить.

Вместо лиц – ехидные оскалы.
Нет уже пощады никому!
Хлопают в ладоши понукалы.
Звёзды скрылись в ужасе во тьму.

Властвуют, погрязшие в безумьи.
Камень взял за пазуху народ.
Кажется, напрягся сам Везувий...
Волчьей стае радуется сброд.

И ничем не скрыть мои печали,
хоть и знаю, что матёр и зол
волк всегда охотится ночами.
...Только днём охотится орёл.

* * *

...Возвращаюсь домой,
в отчий край, как в наследство.
Хоть в морщинах, но всё ж
с человеческим лицом.
Затянуло тропинки далёкого детства,
где полынью, а где чабрецом.

Я тебя не узнал, абрикос возмужалый.
Ни двора, ни ограды, ни хаты – пустырь!
Тень от крыл соколиных
у ног пробежала.
а кругом – будяки, высотой в монастырь.

Здесь калитка была.
Там – тропинка сползала.
И шахтёр шёл на шахту по ней,
словно Бог.

А на лавочке – мама меня ожидала
каждый вечер одна
из тревожных дорог.

Террикон поседел и огруз, словно старец.
Лебедой зарастают развалины улицы всей.
Возвращаюсь домой, как в безлюдье,
бродяга-скиталец,
В дорогое наследство своё – насовсем!

Вот... Пришёл.
Месяц острый, как сабля,
рассекает лучами крапивы штыки.
И стекает с лица подорожника
капля,
словно мамы слеза со щеки.

* * *

Загорчила душа, будто мята,
обострённую боль принесла.
Вишня здесь красовалась когда-то,
величаво и рьяно цвела!

Аромат разливала не с жиру,
с детства радуя сердце моё.
Пушка в поле, снаряды транжиря,
подкосила под корень её.

Путник-месяц за облако скрылся,
испугавшись военной пурги.
Ну а я навсегда заблудился
среди старых, отцовских могил.

Среди тех, кто с упрямым напором
жили ради большой правоты.
И безмолвствуют над косогором
неподвластные тленью кресты.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Родился луч
в Медведицы ковше,
как будто бы дыхание младенца.
И посветлело в небе и в душе,
и веселей в груди забилося сердце.
И ковылём взыграли
степь и доли.
А террикон явил орлиный взор.
Как будто я домой спешу из школы,
в цикад разлитый гомоном простор.
Ещё ни ночь.
А вечер – на распашку!
И Млечный Путь пройти мне
по плечу.
И кажется, гадая на ромашке,
смогу достичь всего, чего хочу.
Уверен шаг.
На небе месяц – жаром!
Вишнёвым соком –
девичьи уста.
И на грядущем времени
скрижалях
моя большая пишется мечта!

* * *

Какою ни была бы жизнь,
а в грязь по дурости
запрёшься.
От прошлого не убежишь,
от будущего не спасёшься.

Она – мгновение одно,
живи хоть сотню лет.
Совсем, конечно, не вино,
но хмеля в ней секрет.

Она – обман ума и сил,
мираж после грозы:
со стороны как бы красив,
невидимый вблизи.

И ненасытна, как Кощей,
и нет её родней.
В ней, чем дороже мир вещей,
духовный мир – бедней.

И потому, чтоб не угас
и очерстветь не смог,
Господь меня от денег спас,
от славы уберёг.

* * *

Насупил месяц бровь
над хрупкой тишиною.
В молчаньи гробовом
дороги полоса.
Оставленный блок-пост
засыпало листвою.
На бруствере,
где кровь,
слезинками роса.
Ручья уставший стон –
не выплакано горе.
Как ополченец, клён
застыл на косогоре.

* * *

Ещё мгновение и – марш
в удушье горькое от гари!
Патронов полон патронташ,
как силы воли мой товарищ.

Прольётся кровушка опять.
Не удержать готовых к бою.
Хоть жизни смысл – не убивать,
а только жертвовать собою.

* * *

Одиноко утка кричит.
Тропка тянется к реке.
И заброшенные дачи
все в бурьяне, как в тоске.

Ветер с поля гнёт ромашку,
ароматный, как вино.
Каждый домик – на распашку:
весь разграбленный давно.

Тишина, как меч домоклов,
рухнет, кажется, сейчас.
Ну а выбитые стёкла,
как провалы в бездну глаз.

Под сараем преет плаха...
Свистнул суслик и молчок.
Будто в судороге страха
заметался светлячок.

Всё в садах уже поспело.
Источает аромат.
Лишь с душой окаменелой
ждёт хозяйку виноград.

И как будто небо мирно.
Тишина пришла всерьёз.
...В подворотне узкой – мина
злобно щерится, как пёс.

* * *

Должно когда-то же случиться.
Придёт и год такой, и век!
Духовно должен пробудиться
на этом свете человек.
Не зря ведь днями и ночами
глядим мы пристально вперёд.
...А прошлое, застыв в молчаньи,
всё откровенной правды ждёт.

* * *

Желанье встреч –
хороших песен стоит.
Немало их я помню наизусть.
В заброшенном саду
скамья и столик,
и ожидания мистическая грусть

Они – души заветные скрижали.
Ушедшим потрясают до основ.
О, сколько бурных чувств
золотожарых
на этом месте выткала любовь!

В порыве нежном
молодости страстной
вскипали явью тайные мечты.
И жизнь казалась
грусти неподвластной
от сладостно щемящей полноты.

Жужжанье пчёл
о мудрости вещает.
У них с грядущей завязью –
родство.
И буйство груш цветущих
возвращает
из прошлых дней
святое волшебство.

* * *

Травой заросшая левада,
почти непомнящая кос.
И дом, разрушенный снарядом,
в венце цветущих абрикос.

Золотовейной тишиною
воспоминанья выткал слух.
Как будто страшною войною
здесь не дышало всё вокруг.

И томный запах алых роз
не лился, сладостью пылая.
И не свистел, как паровоз,
на кухне чайник,
закипая.

И взгляда сладостное пламя
не обжигало грудь и стан.
А в спешке сброшенное платье,
не смялось,
рухнув на диван.

* * *

Рыжеет над шахтой
заката чёлка.
Рассыпала томный лучистый жар.
На клевер уселась вечерняя пчёлка
и добывает себе нектар.

Сверчков пережат
в разлитом звоне,
как будто бодрости в зной ушат.
Выстрелы грохают на полигоне
и зайцы к людям в дворы
спешат.

Куда бы не вышел
и где бы не был –
грохают так, что сады трясутся.
Как будто хрустальные тучи
плывут по небу -
одна о другую бьются.

Азарт не смирим у ребят-стрелков –
лупят по цели чётко!
Но не смолкает и хор сверчков.
Нектар добывает – пчёлка.

* * *

В огромном небе
фейерверки звёзд.
Трель соловья,
как песня Мироздания.
И молодой, цветущий абрикос
охвачен пчёл
нестерпным ожиданием.

А горизонт подёрнут
бликом марлевым.
К ногам твоим припала тишина.
И груди колыхнулись
дивным маревом,
и сладости нахлынула волна.

Стоишь со мною рядышком.
Близка.
Немножечко как будто отрешима.
И, как росинка в чашечке цветка,
космичностью своей –
непостижима.

* * *

Эту ширь и бодрость
мне бы,
жгучесть жёсткой крапивы.
Отвоёвывают вербы
ширь у скошенной травы.

В седловине клён высокий
так и веет стариной.
И сосёт подсолнух соки
из земли полуживой.

Пыль к дороге привязалась,
среди колючек, полных зла.
Чтобы легче жизнь казалась —
незабудка расцвела.

* * *

За бруствером,
с окопом вражьим рядом,
когда над краем мир уже витал,
заснул боец
под визг и вой снарядов,
горячую осколков чуя сталь.
Проснулся – солнце!
Танк. Разбита башня.
И до того звенела тишина,
что стало вдруг растеряно
и страшно:
а вдруг ещё не кончилась
война!

* * *

Погиб солдат на перекрёстке.
Его успели позабыть.
По белой вьющейся берёзке –
кровавый след
недавних битв.

Ну, как свернуть с тропы войны?!
В противоречии великом
косноязычие толпы
переросло в цунами криков.

И где полоска той межи,
рёв превращающая в шёпот?
Плывёт над фабрикою лжи
всепоглощающая копоть.

И мрак залёг до небосвода –
невидно солнечных лучей.
...Всегда в заложниках свобода
у «добросердых» ловкачей.

ВЕЧЕРНИЙ ПЕЙЗАЖ

Дымка голубые прокосы
ползут на степной пережат.
В вечерних ручьях безголосых
покоем налился закат.

А там, где сосна над погостом
лохматит холодную высь,
луна, истощённая постом,
всплыла, словно тяжкая мысль.

В БОМБОУБЕЖИЩЕ

По безлюдью кошка
пробежала.
От мороза – лапки сведены,
где в бомбоубежище устало
прячется собака от войны.

Лижет брюхо, полная терпенья.
Дымка отчуждения в глазах.
Ни одно земное поколение
загонял сюда суровый страх.

Под поющим,
добрым мирным небом
дело делать каждый бы хотел.
Пёс в подвале – и не надо хлеба:
лучше нет забавы для детей.

То они по шёрстке его гладят,
то щекой прильнут собачьих плеч.
Хорошо с детишками он ладит –
только бы от горя их отвлечь.

Только б рядом пуля не свистела,
не плевалась смерть из чёрных дул.
А однажды в страшный час обстрела
в подземелье заяц заглянул.

Подбежал. Дрожит.
В живот уткнулся.
Пёс моргнул косому: - Не робей!
А в мальце спаситель
вдруг проснулся
и заступник от плохих людей.

* * *

Даже стопкою водки не смоешь
эту липкую едкую грусть.
Вместо снега – занудная морось
разъедает и мысли, и грудь.

Сам не свой я хожу по округе.
Столько луж – разве все обойдёшь!
Облаков беспокойные струги
проплывают сквозь ветер и дождь.

Грунтовая дорога распято,
словно крест, разлеглась на бугре.
Говорят, в январе бойся марта.
Что же делать, коль март – в декабре?!

Пушка грохнула. Зорко и метко
стрекотнул за леском автомат.
И калины промокшею веткой
колыхнулся над полем закат.

* * *

Не победить вовек рутину,
хоть с нею надо воевать.
Когда свои ударят в спину –
всего труднее устоять.

Всё в мире смутно и ненастно:
корысть доверие крушит.
И быть доверчивым опасно,
а без доверия - как жить?

ОЛЕГАРХ

К наживе страсть – неуголима.
Духами сдабривает смрад.
Где есть барыш,
там совместимы
гранатомёт и шоколад.

Среди волнения и брани,
где места слову нет «любить»,
они, как будто кнут и пряник,
порядок могут наводить.

Ничто в нём совесть не разбудит:
Ни Божий суд, ни смертный час.
Оно конец когда-то будет.
Но хочется, чтобы – сейчас!

ПОСЛАНЕЦ ПРЕДКОВ

*У Станицы Луганской
над Донцом возвышается
памятник князю Игорю.*

О, Игорь!..
Воронки сплошные!
К Донцу простирается путь.
Как будто не братья родные –
из гаубиц половцы бьют.

Оврагами рыщет разведка:
убойная сила грозна.
Князь едет – посланец от предков.
И цель откровенно ясна.

Коль высек рысак ему зори –
жестокостью счастья не свить.
Пора уже, выплакав горе,
пред миром колени склонить.

Обняться открыто и славно,
Смирения чашу испить.
И мчаться к родным Ярославнам,
собой воронье не кормить.

Не сила ломает преграды.
Беду не кует херувим.
...Но кучно ложатся снаряды.
И стелется копнами дым.

ЗАКОН ПАМЯТИ

Память – речь не о прошлом,
хоть века позади.

Память вышла на площадь
правоту защитить.

В жизни все быстротечно –
утверждает она.

Жить обязана вечно
только память одна!

Все забыть,
значит сдаться,
день грядущий пресечь.
За нее надо драться,
чтобы Правду сберечь.

Память – грозная сила.
И Закон ее – тверд:
что сегодня забылось –
завтра снова придет!

* * *

Не обминая грязь и лужи,
в душе с невиданным прощеньем,
иду – смурной и неуклюжий,
на мир, взирая с отвращеньем.

Уже совсем лишился сна.
И пустота – больней, чем рана.
Как шевелюры седина,
ковыль колышется кургана.

Из неба – сумрачный, что зрак,
к обрыву месяц прикоснулся.
В овраге, где скопился мрак,
как будто леший шелохнулся.

Как за живое он задел,
ворчаньем нудным обличая,
что ждём от ближних добрых дел,
своих грехов не замечая.

* * *

Когда к распадку
грохот приближался
и пахли травы раннею росой,
я в чистом поле
с ветром побратался
и породнился с майскою грозой.

И, как бывало,
больше не мечусь я.
Хотя ухабы всё ещё страшны.
Я полон весь
возвышенного чувства,
прекрасного порыва новизны.

Плывут орлы над степью удалою.
О терриконик чиркают крылом.
Известно всем:
живущий старой болью,
душою всей теряется в былом.

Их высоту
приветствую всем сердцем
и мяты всплеск
за маминым крыльцом.
Идёт девчонка с юным ополченцем
с сияющим от радости лицом.

И хоть вдали ещё разрывы слышно,
мне о плохом не думается впредь.
...Осколком мины раненая вишня
дала возможность ягодам дозреть!

МАРТОВСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

По весне цветёт и склеп.
Март последний холод выжал.
Кто-то за зиму окреп,
ну а кто-то еле выжил.

Ветерок бумажку смял,
как сорвал с округи маску.
Кто-то шкуру поменял,
ну а кто-то – лишь окраску.

* * *

Вот и снова оживаю
от войны и холодов.
Как же здорово, что мая
не бывает без цветов!

Что весенний день, как брага, —
охмеляет веселей.
В недрах гулкого оврага
серебром звенит ручей.

И парит над полем пташка,
Ни кому, не сделав зла,
где гадалкою ромашка
к перелеску побрела.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Нет, не былём,
а былью поросла
минувшей той войны
передовая.
Блестит свежо осколками роса,
снарядной болью душу обдавая.

Как будто миг –
и вражьи пулемёты
ударят шквальным с насыпи
огнём.
И крайний ряд
широкоплечей роты
повалится, как в землю рожь
зерном.

Слова:
«Сестра!.. Сестричка, пить!
Воды-бы!..»
Грудь опалят под рёв и вой
бомбёжки.
Потом в лесу, укрывшись от беды,
полуубитых
выходишь ты с ложки.

... Закат горит щемящее,
как года,
как поцелуй торопкий тот у ели...
И ряд морщин
ты трогаешь у рта –
суровый ряд,
как складки на шинели.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

ДИПТИХ

1

Рассказ бабушки

Нас немец рыть укрытие согнал:
на пустыре за школою,
у кручи.

А в школе штаб
фашистский заседал:
сейчас в которой учишься ты,
внучек.

Кругом стоит охрана, как стена.
Чуть оступись и вызверится штык.
И вдруг смотрю –
у самого окна
малец в руке с гранатою возник.
Подумать страшно, как туда пролез!?
Вихрастенский.
Твоих годков, не старше.
Прицельный взмах и –
взрыв на рудник весь:
там, где сейчас

учительская ваша.

Старшой охраны злей овчарки стал.
Переполох!
Бегут, стреляют полем.
А хлопчик тот немножко пробежал,
припал к дубку
и тяжко, поневоле,
Взмахнул неловко ручкой и упал,
чтоб, внучек, ты
учился в этой школе.
И до сих пор, как вспомню,
так беда!..
Как будто кто жгутом
мне сердце стиснул.

В комочек сжался, бедненький, тогда
и из-под куртки
галстук красный вспыхнул.
Как будто пламя высветлило грудь.
Рванулось, гнева полное и риска.
...Пойди, родной,
постой у обелиска,
да галстук свой расправить
не забудь!

2

... Безлюдье.
Сердце стиснулось от боли.
Пришли совсем другие времена.
И вот стоит пустое зданье школы.
Посёлка нет. Глухая сторона.

Исчезло всё, что сердцу было мило,
всё, что звенело резвой детворой.
И пионера в скверике могила
покоит прах
под сорною травой.

Но только всё ж
не праздновать забвенью –
звнящей бронзой вздыбилась строка!
Нет, не бывает подвига на время.
Коль подвиг есть,
то, значит, - на века!

* * *

Лёг туман на траву,
Превращается в капли.
В бесконечной живу маяте.
И сквозь будней тоску,
как сквозь острые камни
продираюсь к заветной мечте.

Годы яростно мчат
среди тьмы оголтелой и чёрствой.
И на мир я гляжу
как асфальт, проломивший цветок.

Словно в струйке ручья,
В нём великая сила упорства
и желанный
спасения жизни глоток.

ОБОРОТНИ

И вроде дела неплохи.
В праздник – всегда уют.
Только сойти с Голгофы
вражины не дают.

Ищут во всём слабинку –
тут же вгоняют клин.
В каждой души былинке –
зависти лютой стынь.

Много всего выдавший,
гляжу и берёт испуг,
как в битве священной
павших
делец превратил в прислуг.

Не лица в улыбке – хари!
Не души – осиный зуд!
Нет, не Творцу, а твари
служат, свершая суд.

Славы чужой охвостье.
Только себя и чтут.
И всё клепают гвозди
новенькие
Христу!

* * *

Идут бои не только на экране.
И от того нестерпно ёжусь весь.
На скифском развороченном кургане
цветной ковёр подснежников исчез.

Черна земля от огненного града.
И я не знаю, как мне дальше быть.
О, человек, как мало тебе надо,
чтобы решиться ближнего убить!

Клешни у мины цепкие, что крабы:
такая вот случилась беда,
что даже скифов каменная баба
взорвалась на растяжке у пруда.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

*Земляку моему – кировчанину,
Николаю Михайлову*

Когда от пуль свистящих
было жарко,
Мела во всю военная пурга,
в родимый край
он вёз гуманитарку
под лютыми обстрелами врага.

Боль земляков
постигнул всей душою.
Устлали путь осколки,
как жнивье.
Его любовь
такой была большою,
что сердце не вмещало всю её.

И солнца луч
взорвал все тучи неба!
И хлынул свет спасения
в народ!
Лишь только тот,
кто знает цену хлебу,
тепло улыбки ближнего
поймёт.

И потому чело склоняю
свято,
что милосердья пламень
не угас.
...Бойцы спасают край
от супостата,
А он – от голода

родимый город спас!

* * *

Его зарыли в Шар Земной.
С. Орлов

И даже века половины
не посчастливилось прожить.
Ему ударил снайпер в спину.
И было некогда тужить.

И мешкать не было минуты.
Зарыли парня в Шар Земной.
Стал боя гром ему-
салютом,
а дождь – Отчества слезой.

* * *

Устлала поле дереза.
Пылает жёлтой жаждой.
И словно Вечности глаза
в росинке блещут каждой.

Иду низиной неспеша.
Любуюсь буйным цветом.
И огнекрылая душа
сроднилась с бересклетом.

И, как в одежде расписной,
тропа и сруб колодца.
И дуб – могучий вековой
не заслоняет солнца.

* * *

Утро.
Луч скользнул, как заяц, пряткий.
Разогнал за садом в балке мрак.
День стучится посохом в калитку –
дразнит разоспавшихся собак.

Дом кирпичный. Дырка от снаряда
зырит, словно лешего дупло.
Ничего от жизни мне не надо,
только обуздать бы в мире зло.

Только бы совсем не расшатался,
в правом деле чувствуя подвох.
- Вот и этот, - слышится мне, -
сдался!
- Нет, не сдался.
Просто изнемог!

Скоро!.. Скоро изморозь растает.
Солнце выше радуги взойдёт.
Хоть и ниже плинтуса бывает,
когда день к закату повернёт.

...ВЗОШЛИ ЦВЕТАМИ

Со всех ударил ветер звонниц.
Ступенька скрипнула крыльца.
Пал из Одессы доброволец
на правом берегу Донца.

Был дважды раненый.
И снова
вставал на бой лавиной глыб.
Не за язык и не за мову –
за дело правое погиб.

Идеи дедов не нарушив,
твердил своим собратьям всем:
- Ложь обезволивает душу,
чтоб умертвить её совсем.

Страна достойна жить по правде.
Народовластью рабство – смесь!
И нет у воина ограды,
как и у многих павших здесь.

Вздыхают матери о них.
И я с горячими слезами
ищу ребят среди живых,
ну а они взошли -
цветами!

* * *

У нравственной силы истоков
застыл, откровения полн.
Камнями побитых пророков
во мне отзывается стон.

Сползает истерзанной правдой
веков одураченных след.
Заря окровавленной раной
похожа на ужас и бред.

Хоть всё это очень знакомо,
но как его век свой прожить,
чтоб не произволу – закону
господство господ подчинить?

И где отыскать эту меру,
что сводит холопство на нет?
Но, веру сменив на карьеру,
мы разве не станем жиреть?

Под тяжестью чувственной в гору
иду, никуда не свернув.
... На ветке акации голубь,
намаявшись за день, уснул.

* * *

Да, падок наш мир на злодейства.
Вновь холодом скулы светло.
Срываются листья, как действие
о лете, что быстро прошло.

О том дорогом и красивом,
что с миром волшебным роднит.
И в недруга взгляде крысином
крысиную сущность разит.

Мой друг, мой ровесник, товарищ,
патроном отстреленным день
дымится над пустошью гарищ,
и в крик превращается тень.

К суровости буден причастен
иду, а преграды – грядой!
Но в сердце мечта о прекрасном
всё вьёт золотое гнездо!

* * *

Стихла боль в зарубцованных ранах.
И заря устремилась в разлёт.
На степных перегибах курганов
вновь душа моя рвётся в полёт.

И века, как страницы, листая,
в горло втиснулся чувственный ком.
Будто соколом с камня взлетаю,
половецким покрытого мхом.

Высоту набирая, разведаль
все извивы родимой земли.
...По окопам заброшенных дедов,
гордых внуков окопы прошли.

* * *

Тишина. И ястреб – смелый!
Очи солнышко слепит.
Ветер, словно угорелый,
куролесит по степи.

В балке томно колыхает
шелковистых трав покров.
И весна благословляет
всё живое на любовь.

Вдоль дорог у поворота,
чуден пролеска окрас.
Там – за линиею фронта,
также весел,
 как у нас.

Он, как будто совесть будит.
И, по всей длине гряды,
воскликает:
- Эй вы, люди,
не устали ль от вражды?!

* * *

...И всё-таки жизнь устроена
здорово!

Меняется время
то плавно, то резко с кручи.
Но всё также за солнцем
подсолнух поворачивает голову,
даже если солнце
укроют тучи!

* * *

Сменило ведро непогоду.
Деньки весёлые пришли.
Весна несёт в себе свободу
для обновления земли.

Для созидательной работы,
любви, душевного тепла.
Чтоб, набирая обороты,
жизнь лепестилась и цвела.

Чтобы поверил в нас Всесущий,
что будем честный путь свершать.
Чтоб дешевел
наш хлеб насущный,
а слово – только дорожать!

* * *

Звёзды. Цветы. Апрель.
Бабочки, как снежинки...
Скатилась слеза на мель
первой твоей морщинки.
Но шепчут цветы:

«Устами –
радости миг лови!»

Звёзды живут мечтами
о нашей с тобой любви,

чтоб видеть в мгновении –
Вечность,
Землю – в пылинке дня,
Вселенную в чаше цветка,
в росинке – миров бесконечность.

И незачем, значит, тужить.
Песчаных часов нам не надо!
Блаженство – уметь дорожить
минутой,
в которой мы – рядом!

* * *

Весна незаметно подкралась,
согнала морозную спесь.
И вишен цветущая радость
мой край одурманила весь.

Ведут в глухомань меня ноги.
Срывается пыль от сапог.
Люблю грунтовую дорогу –
избавит она от тревог.

Я слышу – дыхание неги,
где, в снах первозданной глуши,
ромашка цветёт не за деньги,
а просто по зову души.

Где сразу за гранью околиц –
мечтаний бездонная высь.
И лютая брань межусобиц
теряет заведомо смысл.

* * *

Новое время стучится:

- Здравствуйте!

Возможностям я открываю дверь.

- Возможностей много,

но мало счастья.

И властвует голод, что лютый зверь.

В разрывах снарядов

заря, как в рубище.

В тревоге и слякоти день забыт.

И хочется верить в большое будущее,

и человеком не слыть, а быть.

Минувшему времени всё – труба!

Стали опять свободные.

Не спутать бы только

гниль столба

с вехою путеводною.

* * *

Всё, к чему моё сердце стремилось,
что шумело зелёной листвою,
принимаю, как Божию милость,
как тревоги моей торжество.

Слову старцев святому внимаю,
древней, млечной дорогой бредя.
Самой смертной тоской понимаю
бесприютность усталых бродяг.

Даль огнями мерцает невнятно.
А вокруг тишина – никого!
Правда та, что не очень понятна –
ложью кажется чаще всего.

Там, где поле ещё не докошено –
протянулась тропиночки нить.
Поиск лучшего разве хорошему
мог когда-нибудь в жизни вредить?

Что ушло – растворилось в замети.
Но заветное – сердце хранит.
Ведь потеря о прадедах памяти
нам распадом сознания грозит.

* * *

Рассосалась свинцовая хмурь.
Оборвались в нирвану ступени.
После всеразрушающих бурь
я всегда возрождаюсь, как феникс.

И сегодня не скраю мой дом.
Опалённый ветрами – не каюсь.
Неоднажды теснимый врагом,
на вершину любви поднимаюсь.

И лелею в душе непокой,
нити зла обрывающий смело.
Ещё не было силы такой,
чтоб любовь победить бы сумела.

Пусть вокруг псевдоценностей тьма.
Правда выглядит хило и хрупко.
Поклоняюсь не силе ума –
побуждению силы поступка.

Где любовь, там и, значит, успех,
если правильно время итожить.
Сделать доброе дело – не грех,
грех не сделать его, если можешь.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ РЕЙД.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

*Бесстрашным конникам
Дебальцевского рейда
посвящается.*

1

...И грузились кони
на станции в вагоны.
Нарушали ржаньем тишину.
Ой, вы кони!..
Ой, борзые кони!..
Уходили кони на войну!

И луна средь туч в иконных бликах
обещала спутницей им быть.
Стук стальных колёс
на рельсов стыках
превращался в звонкий стук копыт.

Он сливался с пуль визгливым лаем.
Чтоб унять коричневое зло,
грозный витязь Салават Юлаев
всаживался в каждое седло.

И летели кони...
И, где надо срочно -
там и принимали бой они!
В стыки армий вклинивались прочно –
крепче всякой крупновской брони!

Ой, вы, кони!..
Кони огневые,
резвые, игривые мои!

2

Клубится дым над дальним перекатом.
На нем фашистов полчища - стеной.
И сам комдив –
отважный Шаймуратов
Башкирии батыров вводит в бой.

Он понимает:

в выдержке победа.
И хоть кругом простор степи, не лес -
стремительность
Дебальцевского рейда
спесь укротит дивизии СС.

Трескуч мороз.
Уздечек перезвоны.
Клинков и пуль суровая пурга.
И вот летят с откосов эшелоны
с военной страшной техникой врага.

Глубокий снег.
Нашественники люты.
Но там, где наши конники прошли -
пылают стратегические пункты,
взлетают связи важные узлы.

Уже неделю конармейцы в рейде.
У лошадей кончается фураж.
Фашистов стаи выползли на грейдер.
Но оскудел бойцов боеприпас.

Уже прошла неделя и вторая –
ни самолётов, ни подмоги - нет!
Ещё рывок!.. – атака штыковая!
От крови бурым кажется рассвет.

В стальном кольце
отважных войско тает.
Уже комдив
последний принял бой.
Но красный конник разве отступает?!
Кто в рейд ушел –
тот подлинный герой!

Был каждый
долг свой выполнить готов.
Сердца у них – орлиные поправу!
И сабли,
словно лопасти винтов,
за синеву небес взметали славу!

Шли в лобовую яростно - на пули!
Вперёд к победе воля их вела.

И золотой дугою конской сбруи
над ними чести радуга возшла!

И слышен был
среди сраженья будней
по всей земле
хребта фашистов хряск.
Без их отваги и представить трудно
от нечисти спасённый наш Луганск.

3

Сердца стук с нарастающей болью...
Вся снарядами балка изрыта.
Конь по снежному мечется полю,
ищет всюду родного джигита.

Как же это?!
Хозяина нету!
Ведь одно их взрастило село.
Он убитый, иль раненый где-то?..
Холодеет пустое седло.

Рвет копытами землю и камни.
Кровь из раны по крупу струит.
Вот он встал на дыбы на кургане
и как будто бы звезды дробит.

Смотрит в небо.
Надрывисто дышит.
Может там его хочет найти.
... До сих пор
все мне кажется, слышу
его ржание
на Млечном Пути!

*

Ни башкирской степью, ни лесами
по пурге, не кончившей мести,
к людям кони прибегали сами,
чтобы друга верного спасти.

Зычно ржали.
Становились – свечкой.
Придавал им силы херувим.
О калитку стукали уздечкой,

словно странник посохом своим.

- Там!.. У штольни стынет от мороза
раненый!.. Скорей помочь бойцу!..

И из глаз коней катились слёзы
не по морде, нет,
а по лицу!

А где близко
не было жилища,
и мороз степную ширь сковал –
конь родимый
рядышком ложился
и собой героя согревал.

*

Ой, вы, кони!..
Кони – вороные,
чалые,
чубарые,
соловые
и бусые,
каурые
и пегие,
гнедые!..
Кони – змеи!
Кони – скакуны!
Спортивными увенчаны делами.

А я о тех, что не пришли с войны,
что улетели в небо
журавлями!

4

К горлу ком подкатывает близко.
Вот и снова вижу – сквозь рассвет
конники дивизии башкирской
по тылам врага уходят в рейд.

В лица им - колючий снег и вьюга.
Вера в святость, к подвигу их мчи!
Высоко подтянута подпруга.
Сабель блеск – похожий на мечи.

Не разъять народного их братства.
Где порвут насилия силки –
люди избавляются от рабства,
гнета разлетаются замки.

Тяжелы потери их и раны.
Но свята их праведная месть.
Где пройдут –
пылают вражьи станы,
совесть водворяется и честь.

Не могу сейчас о них не петь я.
Сердце не вмещается в груди...
Вот уже прошли десятилетия,
а они в пути все и в пути!

И всё зримей, зримее движенье.
А сердца – пылающий костёр.
И, как их отваги продолженье,
ныне стал
Дебальцевский котёл.

Трудового мирного народа
ополченцы – самый яркий цвет!..
Каждый, посягнувший на свободу,
получил достойнейший ответ!

5

То рысью годы мчатся, то в галоп.
И впереди то ясный свет, то мглистый.
Идёт смерча по полю белый столб,
как будто вы ко мне – кавалеристы.

Встречаю вас
и сам себя тираню.
И вроде нет ни в чём моей вины.
И еле балансирую на грани
бурана чувств и будней тишины.

Примером вашим славным дорожу.
И ныне в наши скромные сраженья,
как вы, в глаза опасности гляжу
и с боем выхожу

из окруженья!

21.12.2016 г.

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ

Борьбы несусветное бремя...
Но всё ж не поддамся жнивью.
Ведь самое лучшее время –
время, в котором живу.

В котором и ахи, и вздохи,
и вихри враждующих бурь.
В крови моей голос эпохи,
как солнце, как облака хмурь.

И как властелины не правят,
а всё ж из глубинки - видней.
Надежды то резко оставят,
то вновь возвратятся ко мне.

То нервы мои на пределе –
почти не владею собой.
То тишь безответная в теле,
копящая ярость на бой.

И кажется - через мгновенье
цунами завладевает мной.
Но выдержка, стойкость, терпенье -
победы мои над собой.

Рождается новое племя.
Хорошим его назову.
Поэтому: лучшее время –
в котором сегодня живу!

В котором одним и дышу я:
чтоб мы, цenia Родину-мать,
работу творили большую,
чтоб жить здесь, а не выживать!

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ

Обращение в будущее

М. Д. Гайдукову

Жизнь по капле не капала,
а бурлила, рвалась!
Нашей памяти капсула –
вам, ребята, наказ!

Беспокойного племени
мы – в заботе о вас.
Чтобы в будущем времени
были лучше вы нас.

Пусть характеры ваши,
словно взвившийся стяг!
Пусть не пляшет у павших
злоба тьмы на костях.

Мы и деды в атаках
возвышали любовь.
Не стесняйтесь заплакать
там, где пролита кровь.

Твёрже в сердце отвага,
коль за правду стоять.
Укрепляйте не блага,
а страны благодать!

Мы вручаем вам Веру
в лучший завтрашний день.
Пусть вам наши потери –
к дерзновеньям ступень!

Пусть вам подвиги наши
сил прибавят запас.
Будьте чище и краше
и уверенней нас!

Не страшат пусть угрозы,
не расслабит и лесть.
Уронить можно слёзы,
но не совесть и честь!



КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Андрей Ефимович Медведенко родился 22 февраля 1951 года в семье шахтёра. Детство его прошло в городе Кировске на Луганщине. Оттуда и начался его творческий и трудовой путь.

Работал на шахтах Донбасса, служил в рядах Советской Армии, закончил Литературный институт им. А. М. Горького, в котором на протяжении трёх курсов был единственным на весь институт членом Союза писателей СССР.

Его поэзия неоднократно звучала по Всесоюзному радио, публиковалась в Москве, Киеве, Донецке, переводилась на болгарский, украинский, грузинский, азербайджанский языки. В этом году поэма «Нескончаемый рейд» переведена на - башкирский.

Он – автор более сорока книг поэзии и прозы. Является лауреатом Международной премии им. Сковороды, премий МСП им. Б. Гринченко, им. М. Матусовского, им. В. Сосюры, областных – им. Б. Горбатова и «Молодой гвардии».

Долгие годы руководил Луганской областной организацией Национального союза писателей Украины.

Почётный краевед Донеччины, почётный гражданин города Кировска.

Заслуженный работник культуры Украины.

Член союза писателей СССР с 1977 года.